20 АПР 1973
Ленинский путь
г. Самарканд

ТЕАТР

В ПОИСКАХ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ

Это рассказ о спектакле для Самаркандского русского драматурга, о проблемах, которые решает интересная молодежь.

ПРИЗНАТЬСЯ, шел я на спектакль «Валентин и Валентина» в Самаркандский драматург с некоторой опаской. Не так давно мне приходилось смотреть пьесу М. Розовского в постановке Ленинградского Большого драматического театра имени М. Горького. И хотя эта работа не отличалась отсутствием профессионального и доброго. Сумеет ли самаркандцы сделать что-нибудь такое, что запомнилось у А. Г. Толстоногова? Наверное, это отчасти сделано.

И еще: давно нет в театре таких интересных мастеров, как Н. Мартынова, В. Вероника, М. Любезинский, Е. Шихов... Их мне довелось видеть в прошлом, когда в стенах нынешних яркий след и встречи Самаркандского русского драматурга.

Что произошло в этом коллективе сегодняшнем, неважно, важно лишь сохранение того, будь чем-то ценного. Не было, чтобы тем не менее подавлять молодых. Весьма четыре актера в театре на «старшинстве» роли! Видимо, что молодым предоставлен здесь большие права и возможности. И, видимо, еще еще обязанности, есть понимание ответственности перед зрителями...

Скажу сразу — на спектакле «Валентин и Валентина» я видел про свои опасения, покоренный искренней, задушевной интонацией актеров в реализуемом ими произведении. Приятно особенно отмечать — соучастник действия — так можно определить взаимоотношения актера и зала. «Молодые» на сцене знают, что говорят, молодые, что делают, и любят! Да, это один из самых волнующих ответей в дискуссии вопросов. Так рассказ о любви в отношениях на сцене Самаркандского театра, поведен режиссером на большому счету. В этом — заслуга Ростислава Ивановича Ларионова, в прошлом — актера, ныне — режиссера, мастера и исполнителя.

Секрет успеха и в интересной игре молодых. Актеры не боятся «трогать» в дискуссии, разговаривать на темы. Возможно, и им приходилось в чем-нибудь сомневаться, но разговор в ту пору шел вовсе не у горки пьем М. Розовского. Поэтому и хорошо удержал режиссер постановщик. Он постарался сместить условный элемент в дискуссии, заставить актеров почти самих сделать. Такой подход к спектаклю оправдан, потому что дает максимум естественности и правдоподобности в игре.

Зритель иногда проходит даже мелодраматические нагромождения, приняв за чистую монету образы Арбенина или Катерины, но на черную выдумку фальшивого и полезно обратиться к ним, чтобы ярче ощутить поэтичность и богатая духовная жизнь героев, которых выдумал Розовский. Так в пьесе Тамара Бабкина и Виктор Шалаев, является вокальной и интересной. Они строят для своих героев мир окрыленной мечты, мир прекрасной человечности и высоких требовательности к себе и окружающим. Их герои стремятся раздать и отдать свои души. Борьба за это, не подменяющая душевную ранимость холодной рассудочностью — не так просто. Здесь нужны не лозунги, но только ритуальные формулы бытия, защищенные в стихах. Кардинальная (встречается в пьесе) мысль молодой В. Арбуниной — что «ничего, кроме чистых выходок приносит человеческим отношениям» — не выдерживается. Куда же сознание может быть всегда, быть, с рождения (встречаются вроде бы и некуда) в себе и вне-чистки не полным чистоты. Главное, которое в душе можно полагать расходовать нежные для себя богатства. Именно потому Виктор горячий, непримиримый (артист Виктор Шалаев) убеждает: не бороться за политической жизнь, выстраивая им в ее возможностей. Правда, кто борется за политической жизнь, выстраивая им в ее возможностей. Правда, в дальнейшей работе над образом использовал не только приемы актера и мастерства, но и получила. Обилие молодости, широко открытый интерес на мир, на пористость — все это хорошо, но если эти краски, счастливо найденные одаренным артистом, не будут почаще на спектакля и спектакля. Если исследовательность не сама, внешняя, должна можно постоянно обрести штампами. И это нужно потому, что в постановке «Валентин и Валентина» не отмечена обаятельности. Но и пьесы. Никакого развития образа. Единственное, что запомнилось у его Жени — беспомощная удаль на все случаи жизни. А жаль, ведь мороз сотен, что сценарист пишет стихи, т. е. может быть и лирическим, и мягким, и мечтательным. Но и пьесы.

Мне кажется, что в лице Т. Бабкиной театр тоже приобрел интересную, думающую актрису. Это показала ее выразительная трактовка образа Валентины. В работе над ролью она использует сильный, суховатый внешний рисунок — внешний сугубо, но внутренний лишь внутренним, минимум. Но эта графическая рельефная пластина раскрыта у героини большим внутренним, глубоко сознательным теплом и душевностью — она использует замешом блеска глаз Валентины, и в эротическихъ моментах — в отношениях с разными мужчинами, в разных ситуациях — обаятельная, разная.

В этом плане показательна сцена Валентины с мужем, в которую в кабушкина — в ее действии — с одной стороны, Валентина не может не обратить на мужа, на обмана и потому резка, даже грубо, но с другой — ей знакомо и мило, и забудет, и она отвлекается, мягче, нежнее.

Можно удивить актерам, что Виктор Шалаев в спектакле «Валентин и Валентина» — Виктор. Мне кажется, что вливания сухой актерской рациональности, которой наделена она и здесь, не подходит к образу комментовной, избалованной, но не лишенной более уместны были бы иные средства образной выразительности.

А вот образ Евгения Чернова, сыгранный в нем тем же Виктором Шалаевым, обещает, конечно, не сразу, по пунктам. Чернов жаждет, добрый по складу характера и вместе с тем — не в ладу с самим, от которого ему приходится столько терпеть. Виктор Шалаев в Евгении Мистерии выстраивает характер молодого сильного героя. Этот Чернов постоянно в ожидании очередную неправдоподобную партию (богатая внутренней — и не только внешне представляет не себя, что начинает сам на нее верить. Потом внезапно обнаживается, уцелевшее — это у Шалаева не выходит очень комично и вместе с тем — с большим чувством меры. Неудачность был, что этот актер принципиально создает или спортсмен. Ничего подобного! Обаяние Грусева в «Валентине» обрисовал тем же Шалаевым без резких изменений в красе, — не опять усвоях. Общество в другом — в лирике, приходится настраивать на лирику людей Шалаевым. Вообще без лирического начала трудно представить себе его героев. Чувствуется, что этот актер нашел свою тему, свои способности выразительные средства.

Если уж зашел разговор о поисках молодежью Самаркандского русского драматурга своей темы и искусства — способностью, то пройти мимо работы Виктора Дарра Дурбадаева «Не бесстойся, мама!» автор исполнил главную роль. В первом действии, мне показалось, Бабкину удалось найти правильную игровую интонацию. Как увлеченно рассказывает Тейшурка Бабкиной о жизни в дальнем ауле, о своем дедушке Дюдюке, о первых горожанах, которых видел... Как интересно, с интересом, какой-либо принципиальности, обыгрывает. Как интересно и романтично рассказывает — не в ладу, но в ладу, будничные и внешне не примечательные события. И действительно, в ладу. Вдруг дотеки поприглядеть и увидишь много того, чего раньше не замечал и о чем нам рассказал Тейшурка. Эту влюбленность в жизнь, в людей автор передает очень, очень хорошо. Но запоминается он больше тем, где Тейшурка рассказывает о себе, и не действует. Во второй же части спектакля, более динамичной, Бабкина как бы теряет свой тонко приобретенные краски, заметно тушевает. В этом есть, наверное, и определенная вина режиссера постановки (Д. Рубинов) — он слишком прямолинейно разделил в нем на «белое» и «черное», без полутонов и нюансов. Многомудрость, многогеоиность тематики пьесы Дурбадаева сумела режиссер-ской трактовкой до молодежной, кабацкой, наивной, тяжести. Нужна поэтичной план, комичный было в первых актах спектакля. Тейшурка Бабкина — надо сохранить, сложно ему подрывали крылья. Нужна исчезнуть ранимость, нужна приходиться лирики. Жаль, что так получилось — актер, видимо, не способен в этой роли на большее.

Ровное и убедительное у него получился другой образ — в спектакле «Кусанда» Виктора тоже интересен сценой увлеченности жизнью, стремлением выразить одну из самых трудных и передвигающих обстоятельств. Виктор Надров хорошо чувствуется со способностью точно чувствовать превращение. Драматическая игра в исполнении — сильная и интересная. Но музыкант, имеет отдельный, не практического тембра голос.

Правда, еще на спектакле «Не бесстойся, мама!» — в нем сидящая поэтическая — что Бабкиной усиленно подражает именным актерским приемам Сергея Юрьевича. Теперь это мнение уверенно. Возможно, у Виктора есть выходит использовать, но этого следовало бы избегать. Минуты можно получится у талантливого — индивидуально, — в сфере всего устойчивой работы над образом, непоказности в разных роли. Только не копировать интонаций, жестов, — не надо.

Замечательно хорошо — в пьесе Дурбадаева молодежь — вера другого театра Любовь Курашева. Он уже сыграл немало ролей. Его герои — всегда, в общем, — чистые, бескомпромиссные, молодые. Такие и Шейфина Курашева в спектакле «Не бесстойся, мама!» Правда, здесь хотелось бы больше красок, заразительности, — в ровности, даже грубости, — сколько добрых, настоящих сердце. Всякие — в общем. Вообще кажется, что Шейфина не нагрелся еще полностью свой творческий потенциал. У большинства — это время характер — внешне тяжело на поверхности, обычно проявляется и уже дышается — сдвиг начался. Шейфина — пробивается актера на сцене.

Есть какая-то тонкость и интеллигентность, мягкость интересного рисунка Абдуора Раджабова — этим он запомнился в роли Кусанда в спектакле «Кусанда». Правда молодому актеру еще много нужно работать, чтобы представить большие размыкания в сценическом движении. Мало верится, чтобы такой прекрасный, роль которого исполняет Раджабов, в спектакле «Решившуюся» не пирожок, был чаще — в начале — и в конце — в середине.

Перечень ролей в Кусанду Раджабову надо бы — частью мастерства — расширить. Не всегда нужна доброта и у Бабкиной. Перечень Курашева — Шейфина — Кусанда — Не бесстойся, мама! — Не всегда нужны ритм и темп речи. Интересно найдены нужные решения — в ритмах.

Наверное, каждый из молодых самаркандцев — актеров работает над улучшением своего профессионализма. Без постоянной работы над собой — не мастера, — не будет. Но — не будет — и — не будет — и — не будет — и